

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.03

Курбатов Олег Александрович

кандидат исторических наук

Российский государственный архив древних актов

Москва, Россия

olegkurbatov@yandex.ru

**СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ
ГРИГОРИЯ КАРПОВИЧА КОТОШИХИНА:
ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ИЗМЕНЫ
МОСКОВСКОГО ПОДЪЯЧЕГО**

Аннотация. Статья написана в связи с публикацией вновь обнаруженного известия о бегстве подьячего Котошихина в Литву в 1664 г. Рассматривается военно-исторический контекст этого события в виде очерка летней кампании 1664 г. на верхнем Днепре, которая сопровождала очередной раунд мирных переговоров между Россией и Речью Посполитой. Высказано предположение о противостоянии двух составов царских воевод, связанных с боярами князем Я. К. Черкасским и князем Ю. А. Долгоруковым, что во многом подтверждает и уточняет версию о причинах измены, которая записана со слов самого Котошихина. В приложении приводится текст допроса черкашенина Филиппа Жерницкого со словесным описанием внешнего вида и поведения подьячего.

Ключевые слова: Котошихин, Русское государство XVII в., военная история, Русско-польская война 1654–1667 гг., Медный бунт.

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.03

Kurbatov Oleg A.

Candidate of Historical Sciences

Russian State Archive of Ancient Acts

Moscow, Russia

olegkurbatov@yandex.ru

**A VERBAL PORTRAIT
OF GRIGORY KARPOVICH KOTOSHIKHIN:
ONCE AGAIN ABOUT THE CIRCUMSTANCES
OF THE BETRAYAL OF THE MOSCOW CLERK**

Abstract. This article is written in connection with the publication of a newly discovered source about the flight of the podyachy Kotoshikhin to Lithuania in 1664. The military-historical context of this event is considered — in the form of an essay of the summer campaign of 1664 on the upper Dnieper, which accompanied the next round of peace negotiations

between Russia and the Commonwealth. The assumption is made about the confrontation of two teams of tsarist voivodes — associated with the boyars of Prince Ya. K. Cherkassky and with Prince Yu. A. Dolgorukov, which largely confirms and clarifies the version about the reasons for treason, which is recorded from the words of Kotoshikhin himself. The appendix also contains the text of the interrogation of the Ukrainian Cossack Philip Zhornitsky with a verbal description of the appearance and behavior of the clerk.

Keywords: Kotoshikhin, the Russian state of the XVIIth century, military history, the Russian-Polish War of 1654–1667, Copper Coin Riot.

Введение. Обстоятельства жизни автора одного из уникальных сочинений о России XVII столетия время от времени подвергаются уточнению в свете новооткрытых документов. Напомним, что первые биографические сведения о себе самом были сообщены Котошихиным в письмах разным высокопоставленным лицам Речи Посполитой и Швеции¹. Итоги современных архивных изысканий об обстоятельствах жизни и службы московского подьячего представлены в статье Андрея Васильевича Белякова «Жизнь Григория Котошихина: (по материалам Архива Посольского приказа)»²

Обзор событий в Литве весной – летом 1664 г. Автор данного сообщения обнаружил новый документ (см. Приложение к статье) при исследовании боевых действий русской армии во время летней кампании 1664 г. в Великом княжестве Литовском. Один из столбцов приказного стола содержит в числе прочего отрывки делопроизводства воеводского полка боярина князя Я. К. Черкасского за июль – август 1664 г., в том числе «расспросные речи» перебежчиков и «выходцев» на государево имя из польско-литовской армии; в ходе допроса черкашенина Филиппа Жерницкого и были получены неожиданно яркие, красочные сведения о только что перебежавшем в Шклов московском подьячем.

В целом и этот, и несколько иных документов столбца сообщали о своеобразной оперативной обстановке, которая сложилась в верхнем течении Днепра в период русско-польских мирных переговоров в Дуровичах. Глава литовской армии, гетман Михаил Пац в августе 1664 г. занял оборонительные позиции по внешнему кольцу укреплений Могилева, поместив фактически в осадное положение всю свою армию; мощные гарнизоны обеспечили также защиту Шклова и Копыси.

Командующим русской армией еще с лета 1663 г. являлся царский ближний боярин князь Яков Куденетович Черкасский, а его товарищами (помощниками воеводы) — боярин князь Иван Васильевич Прозоровский и окольный князь Юрий Никитич Барятинский. В начале 1664 г., когда соединенные силы

¹ Подробнее см.: *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. I–XXXVI.

² *Беляков А. В.* Жизнь Григория Котошихина: (по материалам Архива Посольского приказа) // *Русский книжник – 2014: сборник Российской государственной библиотеки / сост. А. В. Кузьмин.* М., 2015. С. 64–86.

Речи Посполитой и крымских татар во главе с королем Яном Казимиром вторглись в Россию, действуя вдоль течения Десны, боярин двинулся против них со стороны Калуги. Медленное приближение его войск вкупе с гораздо более активными действиями других воевод вынудило поляков и татар отказаться от идеи расположиться за Десной на зимних квартирах и поспешно отступить. Движение царской армии было остановлено весенней распутицей под Брянском, и в бой с противником успели вступить лишь передовые воеводы (князья Прозоровский и Барятинский). С окончанием распутицы, в мае – июне 1664 г., брянская группировка перешла в Смоленск, а оттуда была направлена против литовских войск гетмана Паца. При этом князю Черкасскому запретили вести боевые действия вдоль так называемой посольской дороги от Смоленска к Шклову, поскольку там начались «посольские съезды» — мирные переговоры между русскими и польско-литовскими дипломатами. Как раз в начале второго похода, в конце марта – начале апреля 1664 г., подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин был направлен в штаб князя Черкасского для ведения полковых дел и связи с посольством в Зверовичах и Дуровичах.

Армия князя Черкасского 1 июля двинулась от Смоленска на юг, где провела практически в бездействии еще три недели. Воевода не озаботился тем, чтобы отправить на противника хотя бы конные рейды, и лишь выяснял, где находятся пределы той территории, где запрещено воевать («договорные версты»). Он был крайне недоволен тем, что «все жилые места написаны в договорных верстах», а его поход к Чаусам лежит по разоренной местности³. Считается, что именно эта медлительность стала причиной отзыва князя Черкасского в Москву и замены его князем Юрием Алексеевичем Долгоруким. А данная смена главнокомандующих и связанные с ней обстоятельства и явились, по словам Котошихина, основной причиной его бегства к литовцам.

Впрочем, наиболее решительные действия летней кампании на верхнем Днепре все же успел осуществить князь Черкасский. 11 июля русско-польские переговоры были прерваны, что упразднило необычные условия перемирия вокруг посольской дороги: «война» запрещалась теперь лишь в радиусе 25 верст вокруг Толочина. У боярина теперь были развязаны руки, и 22 июля его войска приступили к переправе через Днепр прямо под Шкловом, ввиду главных сил Паца. Мощная канонада отогнала противника от берега, а в ночь на 24 число царская пехота навела понтонный мост севернее крепости, переправилась на западный берег и окопалась земляными шанцами. Следует отметить, что войсками здесь командовали опытные генералы Томас Далиэль, Николай Бауман и Вилим Дромонд, каждый из которых имел в своем распоряжении отдельные соединения — генеральские полки⁴. Гетман Пац

³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Стб. 1664 г. № 16. Л. 28, 43.

⁴ Курбатов О. А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654–1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск IV. Смоленские

не решился атаковать русские позиции, а вместо этого в ночь на 25 августа покинул укрепленный лагерь под Шкловом и увел армию под защиту валов Могилева; часть литовской пехоты и артиллерии была распределена по гарнизонам Шклова и Копыси.

Войска князя Черкасского немедленно заняли брошенный литовский лагерь и приступили к правильной осаде Шклова, обрушив на него огонь всей артиллерии. В то же время конница под началом князя Ю. Н. Бярятинского преследовала противника до Могилева, под валами которого уже после полудня 25 июля закипели конные схватки. Однако Пац не дал выманить себя на полевой бой. Вскоре князь Черкасский получил известие о своем отзыве: согласно публикуемому ниже документу, он уже накануне 1 августа отбыл в Москву, сдав командование князьям Прозоровскому и Бярятинскому⁵. Примерно в это же время, по польским данным, царские войска вернулись на левый берег Днепра, продолжая обстрел Шклова; впрочем, где находился их главный обоз 3 августа, еще не вполне ясно. Но очень похоже, что суматоха и неразбериха, обычные при свертывании осадного лагеря, поспособствовали Котошихину в его предприятии.

Только 9 августа команду над полками принял боярин князь Ю. А. Долгоруков⁶: по словам П. Гордона, он 26 июля «выступил из Москвы с воинской торжественностью»⁷. Отметим, что смена командования его прибытием не ограничилась: князь Иван Прозоровский, чья сестра Евдокия была замужем за Яковом Куденетовичем, вскоре также уехал в Москву; туда же последовал и боярин князь Иван Андреевич Хованский, главный воевода полка Новгородского разряда: на смену ему к Витебску и Полоцку двигался брат князя Юрия окольный Петр Алексеевич Долгоруков.

Долгоруков против Черкасского. Рассуждая о причинах, точнее о непосредственном поводе, который привел Григория Карповича Котошихина к измене, историки обычно ограничиваются версией самого подьячего. По его словам, в разгар боев под Шкловом «еще прежними воеводами был отправлен из армии в посольство под Смоленск для переговоров, и князь Юрий писал ко мне с другим подьячим, Мишкою Прокофьевым, улаживая меня, чтобы я согласился написать к нему, что князь Яков Куденетович сгубил войско царское, дал возможность королю скрыться в Польшу, и таким образом выпустил его из рук, не дав полякам битвы, тогда как весьма легко то сделать и проч.»⁸ За такое пособство и услугу князь Юрий обещал мне исходатайствовать повышение и клятвенно обязывался помочь делу отца моего в Москве. Не веря

войны XV–XVII вв. Ч. 2. С. 304–327. URL: http://www.milhist.info/2017/07/25/kyrbatov_8 (дата обращения: 25.07.2017).

⁵ Из Смоленска в Москву он выехал 3 августа (Гордон П. Дневник. 1659–1667. М., 2002. С. 147).

⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Стб. 1664 г. № 16. Л. 155; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 77, 78.

⁷ *Гордон П.* Указ. соч. С. 147.

⁸ Здесь имеется в виду общий итог зимней кампании 1663–1664 гг.

искренности сладких посулов князя Юрия и не имея ни малейшей причины безвинно оклеветать князя Якова, я не хотел против совести писать к первому и быть ему пособником в деле неправом, а еще менее мог решиться ехать обратно к нему в войско. Быв в таком затруднительном положении, сожалея о том, что не возвратился в Москву с князем Яковым, а еще более горя о худой удаче мне на службе царской, в которой за верность и усердие награжден был при безвинном поругании моего отца лишением дома и всего моего благосостояния, и, принимая во внимание, что если бы я вернулся к Долгорукову в армию, то меня по всей вероятности ожидали бы там его злоба, истязания и пытки за неисполнение мною его желания повредить князю Якову, я решил-ся покинуть мое отечество, где не оставалось для меня никакой надежды». Как выясняется из вновь открытого дела, Котошихин все же вернулся в армию под Шклов, причем задолго до прибытия к ней князя Долгорукова, — и уже 1 августа «перебег из обозу бояр и воивод» в город, имея при себе какие-то грамоты. Что же можно сказать о мотивах подьячего: действительно ли имела место столь опасная для его жизни вражда двух воевод?

При обзоре воеводских назначений периода 1654–1667 гг. обращает на себя внимание факт необычного «возвращения» князя Я. К. Черкасского на должность главнокомандующего после весьма длительного перерыва. Последний раз немолодой уже боярин фигурирует в качестве воеводы большого полка в Рижском походе царя Алексея Михайловича летом – осенью 1656 г. Потом некоторое время роль номинального главнокомандующего отводится князю Алексею Никитичу Трубецкому, автору самого значительного успеха шведской кампании 1656 г. — взятия Дерпта. Однако после поражения под Коноптом в 1659 г. боярин Трубецкой также сходит с военно-политической сцены, уступив место своему бывшему подчиненному — князю Юрию Алексеевичу Долгорукову.

Карьера Долгорукова как самостоятельного командующего начинается в 1658 г. также с весьма громкой победы: в битве под Верками он разгромил литовскую армию, захватив в плен самого польного гетмана В. К. Госевского. В 1660 г. в боях на реке Басе, под Могилевом, он остановил триумфальное шествие к Смоленску польско-литовских войск. Через год, 26 августа 1661 г., было решено вновь направить князя Юрия в Смоленск с большой армией «по литовским вестям», и лишь уход противника за Западную Двину снял опасность городу и привел к отмене всего похода⁹. И вот, менее чем через два года, в июне 1663 г., при первых известиях о новой угрозе от польско-литовских войск главнокомандующим неожиданно назначается не князь Юрий, а князь Яков Куденетович Черкасский; отправка князя Дмитрия Алексеевича Долгорукова на Опочку отменяется (вместо него главой Новгородского разряда и товарищем князя Черкасского назначен князь И. А. Хованский)¹⁰; осенью отзывается

⁹ РГАДА. Ф. 210. Записные книги Московского стола. № 11. Л. 292–296.

¹⁰ Записная книга Московского стола 1662 года (1662, октябрь – 1663, август) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 10: Записные

из Смоленска и князь Петр Алексеевич Долгоруков. Налицо слом отлаженной воеводской системы и последовательное замещение Долгоруковых другой «обоймой» воевод.

Косвенно указание на причину таких событий содержат среди прочего записки самого Г. К. Котошихина — в разделе, где описывается Медный бунт 1662 г. В целом же исследователям известно, что князь Я. К. Черкасский был фактически отстранен от власти Морозовым накануне Соляного бунта 1648 г., и симпатии народа во время тех событий были целиком на стороне князя Якова. Летом 1662 г. мишенью заговорщиков, распространивших по Москве подметные письма с обвинениями в измене, оказалось все то же ближайшее окружение царя: двое Милославских (креатуры Морозова), Ф. М. Ртищев и Б. М. Хитрово¹¹. Пятый обвиняемый, гость Василий Шорин, укрылся в Кремле во дворе князя Я. К. Черкасского, будучи уверен, что здесь его искать и трогать точно не будут. Несмотря на разгром самого мятежа, обстановка в стране и позже оставалась тревожной: летом 1663 г. очевидцы писали о повсеместном ропоте в связи с новыми налогами; выборные солдаты полка Матвея Кровкова, подавлявшие восстание башкир, выражали готовность «побить» на Москве бояр и отомстить московским стрельцам-«мясникам» — главным карателям мятежников.

В этих условиях симпатии населения и служилых людей должны были обратиться в сторону известных оппонентов, мнимых «царских изменников». Уже 25 июля 1662 г. уговаривать народ разойтись был послан в Москву князь Иван Андреевич Хованский, никак не связанный с упомянутыми людьми. Боярину князю Я. К. Черкасскому во время традиционного шествия на осляти на Вербное воскресенье 1663 г. впервые было доверено вести под уздцы коня Крутицкого митрополита; князь И. С. Прозоровский оставался при этом в Кремле¹². Между тем Долгоруковы были теснейшим образом связаны с кругом Морозовых – Милославских: старший, князь Юрий, еще в 1630 г. был женат на Елене Васильевне Морозовой, а средний, князь Дмитрий, сочетался с Ириной Ильичной Милославской (первым браком, в 1637–1645 гг.). Таким образом, отстранение Долгоруковых от командования войсками накануне решающей схватки с войсками самого короля Яна Казимира можно считать вполне осознанным и ясным сигналом. Царь, несмотря на свои симпатии и родственные чувства, предпочел вручить командование наиболее популярным на тот момент воеводам — тем, которые еще пользовались доверием масс служилых людей. Легко представить, что к тому времени имя князя Черкасского прочно связывалось с апофеозом российских военных успехов семнадцатого столетия — походами на Смоленск, Вильну и в Ливонию (1654–1656).

книги Московского стола. 1636–1663 гг. СПб., 1886. С. 531, 539–545, 550, 551; *Гордон П.* Указ. соч. С. 133, 134.

¹¹ *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л., 1936. С. 108, 112, 116.

¹² Дополнения к тому III дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 373. Несколько лет перед этим ослытия водил князь А. Н. Трубецкой.

Деятельность князя Якова в процессе его последних двух кампаний еще предстоит во всех подробностях изучить. Следует лишь отметить, что в пресловутой медлительности воеводы невозможно обнаружить какой-то злой умысел. Его армия, как и армия его противников, поначалу столкнулась с невероятными логистическими проблемами в условиях зимней распутицы, неразвитой дорожной сети и малонаселенной местности. По давнему обычаю, князь Яков целиком окунулся в организационную работу по снабжению войск, сбору подвод и т. п., доверив проведение стремительных и довольно успешных рейдов своим товарищам-воеводам. Летом 1664 г. видимая нерешительность Черкасского в условиях мирных переговоров также была во многом вызвана неясностью боевой задачи: как только обстановка прояснилась, его войска провели блестящую переправу через Днепр и в целом показали себя неплохо.

Заключение. Таким образом, отставка князя Черкасского от командования действительно могла произойти в результате активной кампании дискредитации боярина со стороны князя Ю. А. Долгорукова, который был включен в состав русской делегации на переговорах и активно участвовал в обсуждении военных замыслов¹³. Однако внешне все выглядело весьма почетно: Алексей Михайлович вызывал князя Якова будто бы на пост дворового воеводы (главы государева полка) в предстоящем царском походе¹⁴. В свете того что Долгоруков уже фактически добился своего и вернул себе должность главнокомандующего, порочащие Черкасского сведения, которых он стал добиваться у Котошихина, могли понадобиться ему для продолжения придворной интриги и борьбы за авторитет среди служилых людей: последние весьма болезненно относились к воинским неудачам, будучи готовы во всем видеть измену царских воевод.

Несомненно, в данном вопросе нужны новые доказательства, более веские, чем самостоятельная апологетика бежавшего за границу царского подьячего. Вновь открытый документ обнаруживает неточность версии Котошихина «Самрицкого» в последовательности событий; однако он же подтверждает, что измена его стала спонтанным поступком, принятым в состоянии стресса, а не хладнокровным, хорошо просчитанным решением приказного дельца: «А как-де комендант того переезщика спрашивал, и он-де все время плакал».

* * *

Данное известие, как уже отмечалось, было обнаружено при изучении дел Разрядного приказа, относящихся к ходу летней кампании 1664 г. в Литве. Внимание автора привлекли ясно читаемые слова «родиною москвитин, подьячей, и за кафтаном-де у него письма». Однако в остальном состоянии документа оказалось весьма плачевным: по ветхости оказались утрачены

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1990. Кн. VI. С. 160, 161.

¹⁴ Черкасский Яков Куденетович // Русский биографический словарь А. А. Половцова. СПб., 1905. Т. 22: Чаадаев – Швитков. С. 220–224.

небольшие части столбца, а значительные куски текста выцвели от сырости. Кроме того, нумерация оказалась перебитой и отрывок со словами «А как-де комендант того переезщика расспрашивал, и он-де все время плакал» получил неверный номер. Чтобы прочесть преамбулу расспросных речей и большую часть сведений о «московском подьячем», пришлось применить ультрафиолетовую подсветку бумаги — и все же целиком текст «расспросных речей» Ф. М. Жерницкого восстановить не удалось.

Литература

1. Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 120 с.
2. Беляков А. В. Жизнь Григория Котошихина: (по материалам Архива Посольского приказа) // Русский книжник – 2014: сборник Российской государственной библиотеки / сост. А. В. Кузьмин. М.: Пашков дом, 2015. С. 64–86.
3. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 540 с.

References

1. Bazilevich K. V. Denezhnaia reforma Alekseia Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 godu [The monetary reform of Alexei Mikhailovich and the uprising in Moscow in 1662]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. 120 p. (In Russ.).
2. Beliakov A. V. Zhizn' Grigoriia Kotoshikhina: (po materialam Arkhiva Posol'skogo prikaza) [The life of Grigory Kotoshikhin: (based on the materials of the Archive of the Ambassadorial Prikaz)] // Russkii knizhnik – 2014: sbornik Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki / sost. A. V. Kuz'min. Moscow: Pashkov dom, 2015. P. 64–86. (In Russ.).
3. Floria B. N. Vneshnepoliticheskaia programma A. L. Ordina-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniia [A. L. Ordin-Nashchokin's foreign policy program and attempts to implement it]. Moscow: Indrik, 2013. 540 p. (In Russ.).

1664, августа 3 — Отписка воевод кн. И. С. Прозоровского и кн. Ю. Н. Бярятинского с известием о «выходе из полона» украинского казака Филиппа Михайловича Жерницкого

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу холопи твои, Ивашка Прозоровской, Юшка Бярятинской челом бьют.

Августа, Государь, в 3 день вышел ¹ к нам, холопом твоим, под Шклов в обоз ¹ ис полону из Могилева ис Пацова войска Лукомской черкашенин Филька Жерницкой. А в роспросе нам, холопом твоим, он, Филька, ¹ сказал ¹: взят-де он, Филька, в полон в черкасских городех под местечком Чуд[...] ¹ в прошлом во 169-м году ¹ [...] бою боярина и воивод Василья Борисовича Шереметева с товарищи и всех великого государя ратных людей польские люди и татарове [...] //

Такова ж отписка дана выходцу.

Примечания: ¹⁻¹ слова написаны над строкой

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 360. Л. 155, 156.

1664, августа 3 — Распросные речи украинского казака Филиппа Михайловича Жерницкого со сведениями о бегстве в Шклов подьячего Г. К. Котошихина

172-го августа в 3 день под Шкловым в обоз боярина и воивод князя Ивана Семёновича Прозоровского да окольничего князя Юрья Никитича Бярятинского вышел ис Шклова иноземец. И тот выходец роспрашиван, а в роспросе сказался лукомской черкашенин Филип Михайлов сын Жерницкий.

Как-де в прошлом во 169-м году боярин и воиводы Василей Борисович Шереметев с товарищи были на службе великого государя в черкасских городех, и меж Чудново и Пяток с [...] султан с татары и гетман Потоцкий с товарищи, и с войском боярина и воевод Василья Борисовича Шереметева обоз розобрали [...] боярина и воевод Василья Борисовича [...] // [...] государя ратных людей в полон. А он-де, Филип, в то время был в Лубенском полку у черкасского полковника Шамрицкого. И иво-де, Филипа, в то ж время ляхи взяли по[...]ным в полон.

И с тех мест служил в королевском полку под хо//рунгою полковника Самойла Оскерки казацкую службу. А та-де Оскиркина хорунга ныне з гетманом с Михаилом Пацом в Могилеве.

А ныне-де тому 4-й день гетман Пац послал из Могилева литовских людей х Копоси с полтараста человек, чтоб в тех местех ис полков бояр и воивод где взять языка. А он-де, Филип, с теми литовскими людьми из Могилева послан же, и от тех литовских людей поехал [...]ков, что ему [...] // Филип ушел.

А вестей сказал.

Гетман-де Пац ныне стоит в Могилеве, а войска-де с ним езды и пехоты 10000 ч.// Да в Могилеве ж тутошних жилецких мещан з 2000 ч.

Да збежи Могилевского уезду и из ыных из розных мест мужиков с 1000 ч.

А стоит-де гетман Пац в Могилеве для того: ожидает к себе на посилок с Украины Чернецкого. И послал-де к нему от себя другой лист с посланцы своими в то время, как боярин и воиводы, князь Яков Куденетович Черкаской [...] великою [...] //

А слышел-де он, что с Чернецким на Украине войска ево, польских и литовских людей, езды и пехоты з 10000 ч.

Да крымских татар с мурзою с 5000 ч. //

А слышел де он, Филип, про Чернецкого, что он будет к гетману Паце вскоре, и что с Чернецким польских и литовских людей и крымских татар столько, от гетмана Пацы самого.

Де и всем-де войска своего литовским людем гетман Пац те речи рассказывает и обнадеживает, чтоб они из войска в [...] никуда не розбежались. А литовские люди для [...] говорят все, что Чернецкого [...] литовские люди [...] Черне//цкого не чают.

А король-де в Оршаве, а при нем людей казацких, рейтарских, татарских, волошских, шведских драгунских людей з 20 хорунг.

А в Вильне-де ныне гетман Павел Сапега да писарь Полубенской, да воевода Мстиславской Тихоновецкой, а людей с ними небольшое. //

И Полубенского-де гетман Пац ожидает к себе в Могилеве вскоре, а везут-де с Полубенским к Пацу войска иво литовским людем в Могилев на прошлые годы на 10 лет за службуную заплагу. И слышел-де он в Пацове войске от литовских людей, что Полубенской з заплаатою приехал из Вильны в Могилев, и будет в Могилеве нынешнего дня вскоре.

А в Шклове-де ныне камендант [...]ринт немчин, да [от Полу]бенского прислан урядник // шляхтич Хрыковский.

А людей-де в Шклове Пацова войска драгунов и пехоты с 3000 ч., и в том-де числе 2 хорунги драгунов Синявского, да мещан ¹-в Шклове ж ⁻¹ тутошних жильцов с 500 ч.

Да збежи Шкловского уезду и из ыных из розных место мужиков с 500 ж ч. //

[...] литовских ж людей по б, а у иных и по 10 и больши, ядят-де и пьют те литовские люди мещанское.

Да в Шклове ж-де от тесноты и от духоты падут лошади и животины, и от смраду-де тех падежных лошадей и животины в городе всяким людем великая нужда. //

А наряду-де в Шклове больших 20 пушек, средних 10 пушек, мелких на башнях и по стенам кругом города против бойниц 100 пушек.

[...] зелья и свинцу много [...]

[...] -де от тех литовских драгунов и пеших [...]

А слышел-де он в розговорех в Шклове от мещан: только б-де драгунов и пехоты литовских людей в Шклове не было, а были б в Шклове они одни, и они б-де великому государю доби́ли челом и город здали.

Да августа-де в 1 день нынешнего 172-го году в понедельник после полудень перебег из обозу бояр и воивод в Ш[клов] // человек, ростом в[ысок?], [...] лет, в лице бел, волосом иссветла рус, борода невелика, чермна, а знать-де, что наперед сего бороду он бривал.

А платья-де на нем: епанча темно-лимонная, с нашивкою золотною, а под епанчою кафтан зелен, а какой, того не ведает. Сопоги жолтые, сафьянные, поношеные.

А в роспросе-де тот перебежшик в Шклове каменданту сказался: родиною москвитин, подьячей, и за кафтаном-де у него письма //

А как-де комендант того переезшика роспрашивал, и он-де всё время плакал.

Да он же в роспросе сказывал, что боярин и воивода князь Яков Куденетович Черкасской пошел из-под Шклова к великому [государю к Мос]кве, а в обозе-де // остался боярин и воивода князь Иван Семенович Прозоровской да окольных князь Юрь Никитич Борятинский.

И того ж-де дня на вечере шкловской комендант перебежшика подьячего послал ис Шклова в Могилев к Пацу.

Примечания: ¹⁻¹ слова написаны над строкой.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 360. Л. 157–168, 170, 171, 169, 172.